

www.park-freestyle.ru

Угреша СПОРТ

№ 3(7)
март
2016

ОЧЕНЬ

КРАСНАЯ ПОЛЯНА

Здравствуйте, дорогие читатели.

К нам в редакцию обратился житель нашего города, тренер по беговым лыжам, кандидат в мастера спорта Сергей Родионов. Он предложил создать освещенную трассу для беговых лыж на базе Экстрим-парка «Фристайл». Предложение нам показалось интересным, поскольку освещенная трасса давняя мечта дзержинских лыжников.

Помнится, еще в 80-е годы прошлого века руководство ЛНПО «Союз» объявило о строительстве освещенной трассы от домика лесника вдоль дороги на лесную испытательную станцию. Дзержинские лыжники раскатали губы. Но когда дошло до дела, столбы освещения установили не в лесу, а прямо на дороге, да еще свет развернули на нее же. Губы пришлось закатать. Больше попыток в городе не было.

Что касается Экстрим-парка, то по закону о землепользовании столбы освещения мы можем ставить только на выделенной нам земле. А у нас в основном кручи да откосы. Если лыжники согласны бегать в гору, то мы не возражаем, но, боюсь, это развлечение для профессионалов. С другой стороны мы видим, что зимой карьер неплохо подсвечивается облаками, отражающими свет сотен окрестных уличных фонарей, а в лесу гораздо темней. Может быть, для катания хватит света ночных облаков? Со своей стороны мы готовы накатать ратраком лыжные трассы на льду и берегах озера, как мы это делали на «Звездном спринте» с участием сборной России по лыжам в феврале 2013 года. Мы также можем организовать пункт проката равнинных лыж, обеспечить тренерскую поддержку. Главное, чтобы это было нужно вам - жителям нашего города. Интересно ли вам бегать на лыжах по заснеженному озеру? Ответить на эти вопросы можете только вы – наши читатели. Ждем ваших писем и звонков. Если мы почувствуем массовый интерес к этой теме, то непременно этим займемся и что-нибудь придумаем.

В начале марта почти случайно четверо сотрудников и соучастников группы компаний «Фристайл» встретились на третьей очереди «Газпрома» в Красной Поляне. Это были Александр Алешин, Алексей Федоров, Лариса Горохова и ваш почтенный слуга.

- Привет.

- Привет.

О чем говорят люди в отпуске? Правильно, о работе. Вот и мы скоренько обсудили содержание будущего мартовского номера «Угреша Спорт» и дружененько постановили рассказать в нем о Красной Поляне. Окружающие красоты и шикарные трассы не оставили нам другого выбора. Соппротивление бесполезно.

Я осознал себя очень главным редактором, важно кивнул и умчался по трассе F7 стилем «трепещущая гаддиль» писать статью про Красную Поляну. Результатом этого экспресс совещания стал номер «Угреша Спорт», который вы держите в руках, и который целиком посвящен горным лыжам. Надеюсь, на пике горнолыжного сезона вы нам это простите.

Главный редактор Валерий Фоменко

Тел. +79166548214

e-mail: fomenko143@mail.ru

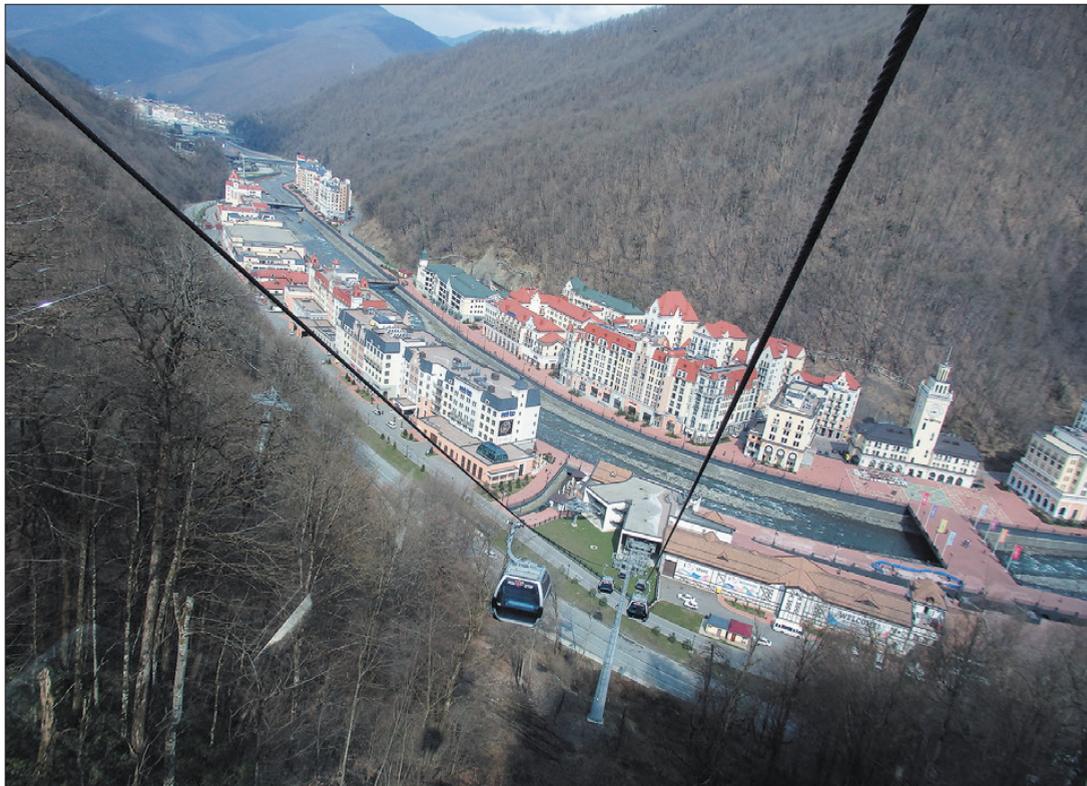
Фото Алексея Федорова

ОЧЕНЬ

КРАСНАЯ ПОЛЯНА

(БЕГЛЫЕ ЗАРИСОВКИ)

Валерий Фоменко, фото автора

Первое, что бросается в глаза – невероятный размах содеянного, а первое ощущение – гордость за страну. Ведь если вдуматься, много чего грандиозного строилось в СССР, а потом уже поменьше – в России – ДнепрогЭС, заводы, плотины, авианосцы, космодромы. И все это было важно, и все это было нужно. Только строилось это для очень серьезных дел, а тут взяли да и грохнули пятьдесят миллиардов долларов на радость своих граждан. Да когда ж такое было на Руси? Ни-ког-да!

Жертвам ЕГ напомним, что все беды и катаклизмы России начались в начале

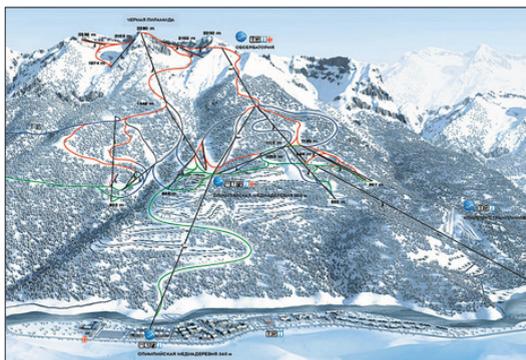
20-го века с Григория Распутина, а ровно через сто лет с Владимира Путина началось ее возрождение. Путин-Распутин, вам это не странно? Ведь «Рас-Путин» в греческой транскрипции звучит как «Анти-Путин». Удивительно, что этого никто не заметил. Такая вот странность. Спроста ли это? Впрочем, тс-с-с! О политике ни слова. Не наш жанр.

А со второго взгляда замечаешь красные плакаты, вывешенные на балконах некоторых отелей: «Продается». Это кризис, ребята, и это обратная сторона гигантского размаха. Кто-то погорячился,

кто-то пожадничал, кто-то не рассчитал. Бывает. Но это со временем утрясется. Есть, конечно, в Красной Поляне ощущение некой искусственности. Причина на поверхности. Если альпийские курорты строились столетиями, медленно и постепенно, по мере роста спроса, то Поляну отгрохали за семь лет по единому плану да еще с хорошим запасом. Вот сейчас этот запас и занавесился стыдливо красными плакатиками. Полагаю, такие же плакатики скоро повиснут и в Куршавеле в связи с оттоком русских туристов.

Районов катания три. Уже упомянутый мной «Газпром», он же «Лаура»; «Эсто-садок», он же «Горки-город», он же «Горная карусель»; и «Роза хутор», он же «Роза хутор».

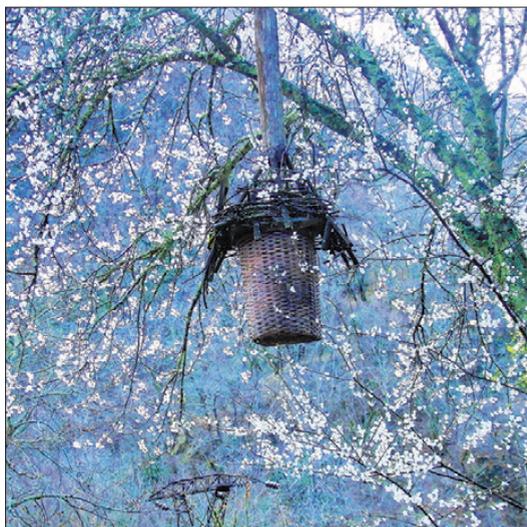
«Газпром» в марте – отстой. Это мое мнение. Некоторые будут возражать, даже знаю кто. «Карусель» это лучшее, что есть в «Поляне» в марте. Опять же с моей точки. Есть несогласные. «Роза» это среднее между «Каруселью» и «Газпромом». С этим почему-то никто не спорит. Возможно, в январе все будет наоборот, поэтому не парьтесь и катайтесь где хотите. Главный недостаток - районы катания не связаны между собой и это отмечают все. Теоретически «Розу» и «Карусель» можно соединить. Подъемники хорошие, их много всех размеров и типов. Очереди минут по пятнадцать, но только по утрам, только в кассу и на шмон. Терпимо. После обеда очереди вообще пропадают, поскольку большая часть народа катается полдня. А вот ценники на горе пугают: пиво - 200 р, чай – 150, глинтвейн - 350. Впрочем, если перевести в евро, то почти нормально. Нам слегка не повезло. В эти дни на трассах «Розы хутор» проходил чемпионат мира по горным лыжам среди юниоров, и лучшие центральные трассы были закрыты. В качестве компенсации мы получили сомнительное удовольствие наблюдать, как падают на слаломе гиганте юные спортсмены и спортсменки. Каждый второй не добирался до финиша. Жуткое это дело профессиональный спорт.

Отели. Их тут сотни, в том числе шаркающие мировые бренды. Перечислять их нет смысла, в интернете вы найдете тысячи предложений. Отмечу, только, что есть варианты на любой кошелек. Мы жили в отеле «Белоруссия» три звезды. Содержание соответствует названию - добротно, чистенько, без изысков. Рядом пустая резиденция Батяки в том же стиле. Метров триста выше по склону турбаза Министерства обороны. Грустный атавизм советских времен. Персонал говорит, что их готовят к закрытию. Жаль. В лесу за турбазой охотничий домик Николая II в тирольском стиле. Раньше там был музей. Сейчас он обнесен высоким забором, а у подъезда мерседес S класса. Местные говорят, что дом выкуплен Потаниным. Если так, то это свинство. Из отеля на подъемники нас возили на трех автобусах в формате сельдей в бочках. Шофер сообщил, что один раз в его автобус влезло двести человек с лыжами. Надеюсь, он пошутил.

История у Красной поляны любопытная. Сначала там жили медоужы и медоужы (наверно, мед сильно любили). В XIX веке туда пришли греки, а потом эстонцы. Вы только подумайте, какая интересная была смесь. И ведь не все жители рады последним переменам. Раньше, говорят, воздух был чище и, вообще, верните им, видите ли, тишину и покой. Хорошо хоть с плакатами не выходят. Впрочем, еще лет десять такого кризиса и будет им и покой и тишина и чистый воздух. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

С погодой почти повезло. Дождь лил три дня из восьми. Причем, лил грамотно – только ночью и утром. Наверно, с кем-то договорились. Впрочем, в дождь можно поехать на экскурсию, что мы со Светланой и сделали. Взяли в ненастный день экскурсию «Православная Абхазия» на целый день. Не прогадали. В Сухуми +26 и солнце. Все цветет и благоухает. Где вы

еще найдете такой контраст - из зимы в лето и обратно?

Абхазия это отдельная грустная песня - военная разруха на фоне потрясающей природы влажных субтропиков. В Сухуми и южнее все стены в выбоинах от пуль. Много разрушенных коттеджей. Это ветшает грузинская собственность. Правовой статус ее не определен, поэтому стоит и гниет. А еще в этой поездке мы видели два чуда.

Чудо номер один. Привезли нас на пасеку. Пчелы там не в ульях живут, а в колодах на древний манер. Нас начинают уверять, что и пчелы у них дикие, и мед супер полезный. Народ посмеиваются:

- Рекламный ход, - говорят, - нас на мякине не проведешь, мы народ тертый.

- Ах, не верите, - горячится абхаз, - тогда смотрите. Только у нас мед настоящий, а настоящий мед помнит свои соты.

- Как это помнит? – не понял народ.

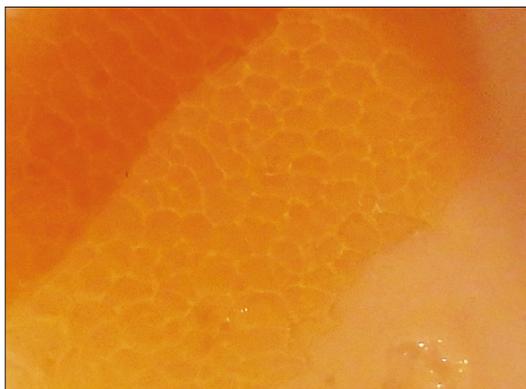
- А вот так.

Наливает абхаз в тарелку мед двух сортов, сверху немного воды. Взболтал тарелочку и показывает. Все ахнули – на меде соты нарисовались. Я успел щелкнуть, теперь и вы можете посмотреть. Тут все как закричат:

- Берем ваш мед! Заверните скорей!

Расхватали горшочки, но я так и не понял, что это был за фокус. Какая еще память меда? Но то, что мед был вкусный – это факт.

Чудо номер два. Маленький невзрачный храм на границе с Грузией византийской кладки VIII века (!). Внутри все черно. Во время войны грузинские солдаты жгли там покрывки. Слева от алтаря под стеклом очень древняя икона. Богоматерь. Лики совсем темные. На ликах множество крупных и мелких капель. Это мирра. Капли масла сливаются, стекают по окладу темными полосками и выступают изпод стекла на раму. Прикладываться не благословляется. Можно купить свечку и мазнуть ей мирр с рамы. Я смотрел очень внимательно. Капли только на ликах, а на

стекле и окладе их нет. Значит это не конденсат (уж простите мне издержки технического образования). Значит это чудо.

Возвращались на Поляну в девять вечера. Въезжая в темноте в ущелье Мзымты, встретили правительственный кортеж из восьми машин. Наверно, Путин приезжал кататься? – подумали мы с уважением.

Оказывается, лошади не едят капусту. Просто ее ненавидят. Вы это знали? Я нет, и поплатился за это незнание. А было так. Недалеко от отеля мы со Светланой обнаружили четыре лошади за неказистой изгородью. Рядом сарай, вокруг лес. Не знаю почему, но мы решили, что лошади несчастные и голодные. Вооруженный этой странной идеей, я отправился в ближайший магазинчик и купил там две буханки хлеба и кочан капусты.

- Порежьте кочан на четыре части, - попросил я продавщицу.

Она удивленно приподняла бровь.

- Для лошадей, - пояснил я.

- А они будут? - усомнилась работница прилавка.

- У меня будут, - успокоил я.

Завидя меня с хлебом, лошади радостно заржали. Хлеб они умяли с удовольствием, а капусту я приберег на сладкое как деликатес. Лошади удивились, съели несколько листочков из вежливости, а потом заупрямались. Тогда удивился я и стал пихать им капусту в рот. И тут самая невоспитанная лошадь (рыжий мерин) укусил меня за куртку и вырвал кусок синтепона. Я бросил в него капустой и ушел.

- Ты оскорбил лошадь, назвав ее козлом, - так прокомментировал это событие Алексей Федоров, главный поставщик фотографий в наш журнал.

Древняя горнолыжная примета гласит: «Не катайтесь в последний день». Но уж очень яркое было солнце, и очень уж синее было небо. Да и автобус в аэропорт уходил только в три. Поэтому пренебрегли и поехали кататься на «Карусель». Каталка была фантастическая, но в конце какой-то гнусный досочник подкрался сзади и сбил Светлану с ног. В результате она получила ушиб спины. А я потянул спину, уже прядя в гостиницу. Совсем глупо. Но эти мелкие неприятности с лихвой окупались радостью от катания и горными красотами.

Резюме. Ездить в Красную Поляну можно и нужно. Трасс там много, надеются они нескоро, и там, говорят, уже новые строят. Гарантирую море восторга и удовольствия при условии соблюдения двух правил: не катайтесь в последний день и не кормите лошадей капустой.

«БЛЮЗ-ЭЛЬБРУС»

(ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАЧАЛО В №6)

Валерий Фоменко, фото из архива автора

Сегодня восьмое марта. По этому случаю у нас проводится расширенный вечерний сэйшн. Приглашен Шарап и группа незнакомых девиц с Азау. В баре музыка, за стойкой расположился Большой. Он великолепен. Он разливает шампанское и кормит тушенкой вновь прибывших девиц большой алюминиевой ложкой прямо из банки. Они хохочут, им нравится. Женья танцует с Коброй. Я сижу, привалившись к теплому подоконнику. Напротив развалился Стас – мой новый знакомый. Мы беседуем. Стас, невысокий бородатый крепыш, косится на Кобру, а учит жизни меня.

- Никогда не волочись за красивыми женщинами. Не имей такой вредной привычки.

- Да я собственно ...

- Не показывай своего интереса.

- Да я собственно ...

- Это ее заденет: «Как же так? Я же такая красивая!» Пусть понервничает.

- Ну, зачем же ...?

- Чудак, она должна созреть, дойти до кондиции.

- А-а-а-а!

- Вот тогда ты ее пальчиком поманишь и ...

- Гениально.

Пьяненький голос Кобры:

- Хочу гитару. Почему нет гитары?

Женья плюхнулся за наш столик.

- Извини, старик, я ей сказал, что ты играешь.

- Гитары-то все равно нет.

Подошел Шарап. Глаза шальные, пьяные.

- Гитара есть в Азау. Я не знаю, что за гитара – хорошая, плохая. Ты посмотришь.

- И как ее оттуда извлечь?

- На лыжах спустимся.

- Ночью!?

- Слабо? – голос дрогнул от презрения.

- Не слабо.

- Кончай мороженым кидаться, - вмешался Стас, - ночью не катаются.

- Сегодня вроде луна? – неуверенно говорю я.

- А обратно?

- Моя проблема, - лениво роняет Шарап.

Через десять минут мы стоим экипированные у дверей бара. Все орут: «На пошшок». Кобра впивается в меня жарким, пьяным поцелуем:

- Прощай, мой герой.

- Чего встал, пошли, - злобно цедит Шарап.

Выходим.

- А вы все дураки, - слышится из-за дверей голос Кобры.

После света ночь кажется особенно темной. Появилось ощущение, что я погорячился. Шарап шагнул в темноту и пропал. Я знал куда идти и двинулся следом. Смачно, как капканы, клацнули крепления. Попался, - подумал я равнодушно. Запрокинул голову - наверху знакомое сито созвездий, вместо луны жалкий огрызок, внизу неясная черно-серая мешанина гор, скал, снегов, и среди них петляют наши шесть километров бугров, траверсов, выкатов, камней и прочих прелестей.

- Готов? - голос Шарапа уже другой, глухой, напряженный.

- Готов.

Господи, ничего я не готов. Куда ехать? Ничего же не видно. Шарап молча нырнул вниз. Я торопливо толкнулся следом. Главное не отстать, не потерять танцую-

щий черный силуэт. По ногам ударило и потащило вбок.

- Стоять, Зорька.

Боже, я же ничего не вижу. Расслабляю колени. Опять удар по ногам.

- Стоять, Буян.

Глаза привыкают, и я начинаю немного ориентироваться в лабиринте бугров. Шарап мечется впереди. Не отстать!

Канатчики, как правило, не блещут техникой, зато досконально знают трассу и невероятно устойчивы. Все эти качества и продемонстрировал сейчас Шарап. Я приклеился в хвост, и это было лучшей тактикой. Я повторяю его движения со сдвигом в секунду. Скорость не моя, повороты не мои. Но мы можем и так.

Бугры кончились, и мы выкатились на слабо мерцающий простор. Шарап пригнулся и уходит вперед. А я бы тут не спешил, там где-то опять бугры. Ага, вот началось. Я притормаживаю и чуть не наезжаю на лежащего поперек Шарапа. Он машет рукой – давай, мол, не тормози. Вот так, голуба. Нечего гонять. Тут тебе не там.

Теперь я впереди. Глаза привыкли, и я спокойно иду по буграм в своем ритме. Вот траверс, тут притормозить ... нет еще сильнее и вправо. Оп! Скрежет по камню, левую ногу резко дергает назад. Ах! Стоять. Чудом, на внешнем канте правой ноги, делаю правый вираж. Ух! Бедная лыжа. Завтра посмотрю. А вот и «Кругозор» навис слева черной машиной. Ни огонька. Торможу. Где, собственно, Шарап? А, вот он. Живой, голуба. Такой он мне и нужен.

- Ты как?

- Нормалёк.

Пропустил вперед. Так лучше. Я уже адаптировался. Снег мерцает серо-голубым. Знакомые очертания черных скал. Мне уже нравится. Скрепит и визжит снег под кантами. Я лечу как во сне. Ноги и руки работают сами, без напряжения. Тело невесомо. Я уже не здесь. Я сижу на диване перед телевизором, в котором мелькают и раскачиваются черно-серые тени странного кино.

Финальный выкат. Шарап уходит от меня на прямых лыжах. Бог с ним, мы у цели. Черная точка маячит метрах в ста впереди. Огибаем станцию слева, выскакиваем на укатанную снежную дорогу и тихо катимся на свет вестибюля первого этажа «Азау». Два часа ночи, все спят.

В холле пусто, за стойкой никого.

- Посиди, - бросил Шарап и загремел в боковой коридор.

Я плюхаюсь на диван. Боже, как хорошо. Вытягиваю гудящие ноги. Весело прокатились. Как же пить хочется! Шарю глазами по вестибюлю. Ничего напоминающего графин не блестит. В коридоре снова загрохотало: «ты-дык, ты-дык», и появился Шарап с гитарой в сопровождении заспанного пацана лет тринадцати в тапках на босу ногу.

- На, пробуй.

Беру гитару. А чего тут пробовать? Гитара она и в Африке ....

- Пойдет.

Мы втроем бредем обратно к подъемнику. Канатчики вяло переругиваются впереди. Пацан шлепает тапками по снегу, пацан недоволен. Еще бы. Я вот тоже недоволен. Нет, я, конечно, доволен, что мы спустились. Но я не понимаю, как мы

поднимемся. Верхом на пацане? Но ... не мое это дело. Кавказ, едрёньть!

Подходим к нижней станции. Пацан звенит ключами у служебного входа и растворяется в темноте. Не зажигая света, на ощупь проходим коридор, потом так же по лестнице выходим на перрон. Неужели мальчишка запустит канатку? Ну и порядочки здесь.

Пронзительно звенит звонок (для кого?), и мы трогаемся. Происходящее потрясает. Какой-то сопляк в тапках запустил ночью трехкилометровую канатную дорогу в сотни киловатт. Одно слово - Кавказ.

Когда мы ввалились в бар, все замолчали и устали на нас, потом разочарованно отвернулись и опять загалдели. Ничего себе. Где торжественная встреча? Это же мы – ваши герои. Где Кобра, в конце концов?

Оказалась, Кобра давно дрыхнет, а вот пьяная Танька пропала. Час назад она сказала Юльке, что быстренько сходит на Эльбрус и вернется. Причем Юлька не разделяет нашего беспокойства:

- Да это же рядом!

Намечались спасработы, а тихий музыкальный вечерок, похоже, отменился.

Я мысленно застонал.

- Говорил же, надо было брать веревку,
- Женька азартно толкает меня в бок.

Решено идти цепью в сторону вершины. Шарап пошел кому-то звонить, мужики пошли одеваться, а мной овладела слабость и апатия.

Жалкой шестизвенной цепочкой мы поднимаемся в сторону вершины по самому, как нам кажется, логичному пути, вглядываемся в предутренний сумрак и на все лады зовем блудную Таньку.

- Бесполезно, - думаю я, - никого мы не найдем. Она погибла. Какая дурацкая ночь. Когда все это кончится?

Минут через двадцать справа послышался приглушенный мат. Все потянулись туда. На снегу сидит пьяная Танька и что-то невнятно бормочет. Стас внятно ее материт и пытается поднять. Потом все дружно волокут Таньку вниз, а у меня вдруг заболела голова. Вечер удался.

Прямо с утра Женя потянул ногу, что неудивительно после гулянки. Теперь он на законных основаниях сидит в баре с Толиком и потягивает трофейный коньяк. Женя доволен, Толик доволен - они нашли друг-друга.

Еще с вечера я решил, что пора, наконец, навестить старый Чегет, а заодно проведать одного местного художника, знакомого мне по прежним поездкам. Встав пораньше, я спустился в Азау и покати́л через лес по залитой солнцем долине. Есть ли что-нибудь прекрасней пушистой хвои на фоне темно-синего неба? Наверное, только кривые янтарные стволы на фоне идеально белого снега. Что еще надо человеку? - думал я, небрежно руля лыжами, - Вот так бы и скользить всю жизнь по солнечному лесу.

Лыжня наклонилась круче и вынесла в широкое поле, тщательно выбритое последней лавиной. Тут и там под снегом угадываются старые корневища. Мелкие березки густо дырявят искристые сугробы и отмеряют давность последнего катаклизма - три, четыре года. Справа

над речкой Азау грозно нависли бараньи лбы лавиноопасной и потому решительно некатабельной части Чегета. Мысленно проиграл ситуацию схода лавины, вспомнил Тютю и тут же захотелось побыстрей миновать зловещую поляну.

Лыжня нырнула в спасительный лес, меж сосен замелькали скромные одноэтажные коттеджи. Через пять минут я уже стучусь в маленький затрапезный домик на краю Терскола. Дверь открыл сам Серафим по прозвищу Шестикрылый.

- А-а-а, Валя, - обрадовался он щербатым ртом. - Какими судьбами? Заходи.

Обстановка более чем скромная. В простенькой облупленной люстре вяло горит сороковатная лампочка. Творческий беспорядок, переходящий в полный разгром. На стенах картины в подрамниках. Мрачные, загадочные, но, бесспорно, талантливые. На ближайшем полотне изображено темное озеро или река, в лодке черная фигура в монашеском капюшоне с желтым фонарем в руке. На заднем плане угадывается голова дракона, торчащая из воды. Серафим поймал мой взгляд и засуетился.

- Нравится? Это мне привиделось прошлой осенью. Наверно, это Харон в лодке. А вот смотри - называется «Ночной кошмар». Видишь - всё в фиолетовом. А вот это совсем новая - «Голова осла». Видишь, улыбается. А вон наверху - «Визит ведьмы». Ну, как тебе?

- Неплохо. Мрачно вато малость, а так ничего. И как? Продаются?

- Ой, не спрашивай. Ничего не покупают. Чурки, что с них возьмешь? Не понимают живописи.

- А живешь на что?

- Да я в «Чегете» истопником. Ну, еще вывески рисую, но это редко. Только на краски хватает. Садись, давай чай пить.

Мы пьем душистый чай из горных трав со сгущенкой, которую принес я. Вспоминаем общих знакомых. Все поразъехались. Серафим жалуется на местных – мол, зажимают.

Сколько я встретил в горах чудесных ребят - москвичей, ленинградцев, киевлян, покоренных красотой и величием Кавказа, которые, позабыв про дипломы, устроились здесь: кто инструктором, кто спасателем, кто кочегаром, кто еще бог знает кем. Никто долго не продержался. Горцы последовательно вытесняют шустрых пришельцев, а те, кто застрял, жевившись сгоряча на местных скромницах, теряют зубы, оптимизм и плавно съезжают в нищету и мутный морок.

- Слушай, старик, - говорю я мягко, - а ты не пробовал горы рисовать. В таком месте живешь роскошном - снег, солнце, куда не взглянешь – картинка. Туристы бы со свистом расхватили. А ты что пишешь? Ночные кошмары, прости господи. Серафим, ты только не обижайся.

- Горы нельзя, - печалится Серафим, - не мое это. Я по-другому чувствую. Ну, как тебе объяснить?

- Ладно, не объясняй. Я собственно кататься еду. Ты свободен? Составишь компанию?

- Ой, да я, вообще, свободен. Мне только послезавтра в ночь.

Серафим долго терзает расхлябанную дверь, а потом, толкаясь палками, как тараканы лапками, мы катимся к подъемнику. Поравнявшись с северным выкатом, Серафим говорит, что в прошлом мае нашел здесь ногу в ботинке.

- То есть как ногу? - испугался я.

- Так. В феврале одному мужику на северах ногу лавиной оторвало. Мужика нашли, а ногу - нет. Я на работу рано иду, еще сумерки. Смотрю – шакалы на склоне толкуются. Я на них крикнул, разогнал. Любопытно стало, поднимаюсь. Батюшки, нога в горнолыжном ботинке. Только оттаяла.

- И куда ты ее?

- Куда, куда! В милицию понес, а там не принимают. Ты что нам принес, говорят, тухлятину. Неси назад. Я говорю, куда я понесу? Полдня у них просидел, еле сдал.

По знакомству бесплатно и без очереди садимся в кресло вечного чегетского подъемника. Под ногами поплыли до дрожи знакомые места, и воспоминания спешно, как алкаши за пивом, выстроились в длинную и нетерпеливую очередь.

По пути Серафим рассказывает, что сегодня соревнования на Кубок Эльбруса, и еще фильм какой-то снимают. Вчера он, Серафим, самолично наблюдал Караченцева и Визбора.

Пару раз прокатившись на второй очереди, подъезжаем к финишу слалома гиганта. Тут суетится киношная группа, зеркала, камеры, эпизод снимают. Народ глазееет. Парнишка стоит на видном месте красивый такой нереально – видать артист. Одет с иголочки, шлем, очки, эластик, лыжи – вроде как спортсмен, вроде, как только что с трассы, и время у него первое. А парнишка, смотрю, еле на лыжах стоит.

- Вы, - говорит, - меня только не толкните, а то я вниз поеду, а этого я не умею.

Режиссер, или кто он там, в мегафон обращается к народу. Мол, кто хочет попасть в шедевр мирового кинематографа, тех, значит, милости просим. Задача простая - по команде броситься к актеру в шлеме и с радостным видом качать чемпиона. Я такие вещи не люблю, а Серафим вызвался.

Камера, мотор, народ кинулся, а все в горнолыжных ботинках и потому сами

попадали и актера повалили, затоптали, достать не могут, чтобы качать. Режиссер, или кто он там, орет неприличными словами, свалку растаскивает. Актер лежит помятый, на жизнь жалуется. Тут выясняется, что очки у него в суматохе пропали дорогие, а главное чужие. Режиссер, или кто он там, весь красный стал. Вы, говорит, мне их найдите, хоть всё здесь переройте. И, правда, лопату несут большую совковую. Мне сразу скучно сделалось – с детства не люблю совковых лопат. Я вниз поехал, а Серафим остался смотреть, чем дело кончится. Через полчаса подъезжаю, смотрю, два амбала яму заканчивают два на два на два. Все никак поверить не могут, что любители искусства очки стырили.

Да, славно мы с Шестикрылым в тот день полетали. Все ж Чегет есть Чегет, и нет круче горы на свете - сейчас я это уже доподлинно знаю. А то, что подъемники ржавые, склоны неглаженные, канатчики диковатые – это суцная правда. Да только и в этом тоже свой шарм имеется. Ох, не всем он по нраву, далеко не всем, но бродят по городам и весям мягкой кошачьей поступью тысячи тайных адептов незримого «Чегетского ордена».

Часа в три, отклонив ненастойчивое предложение Серафима переночевать, я двинулся на Азау в надежде поймать попутку и успеть до пяти на Мир. Трясу клипсами, левой ботой бесплатно печатаю югославскую рекламу – ALPINA, ALPINA ..., а правой страстно взываю к какой-то Алине – AL INA, AL INA ... Меж тем, до Азау полных четыре километра. «Метро закрыто, в такси не содют». Иду, лыжи с плеча на плечо перекидываю. Вдруг парнишка меня нагоняет - роста небольшого, ладный, крепкий, тоже с лыжами и тоже в ботах. Ну, думаю, не один я такой мученик, значит, скучно не будет. Обсудили новые «Эланы», поругали польские компакты, поиздевались над «Вилсами», сошлись, что «Беркуты» дерьмо, но лучше КЛС. Пытаюсь сменить тему раз, другой

- фигушки, съезжает обратно. Ясно – фанат. Знакомый типаж. Такие первые уходят на склон, последними возвращаются, а если не катаются и не спят, то говорят о лыжах. Выясняю, что парнишка экстримал, зовут Сашкой, живет в Азау. Мне интересно стало, договорились завтра погонять.

«Место встречи изменить нельзя» – утро, бар «Мира». Сашка ввалился в дверь, споткнулся, повалил чужие лыжи, свои уронил. Ух, - думаю, - орел.

- Пошли?

- Пошли.

Поднялись на площадку общего старта.

- Нет, - говорит, - нам туда, - и на сортир показывает, что на обрыве.

- Спасибо, - говорю с достоинством, - уже посетил.

- Да ты не понял, там классно.

Ну, думаю, спятил Сашка, там может и классно, но ... обрыв. Подошли. Из сортира мужик вышел недовольный. Обрыв за сортиром впечатляет – градусов пятьдесят, камни торчат, но и снег местами имеется, и след одинокий меж камнями петляет. Целина по всем признакам глубокая.

- Это я, позавчера, – скромно потупил Сашка.

Так, - думаю, - ежели аккуратнo, то, пожалуй, рискну. Главное, левым сразу тормознуть, а там видно будет. Не люблю рассоливать – решил, так решил.

Прыгаю в обрыв с сильной левой подкруткой и, неожиданно глубоко провалившись в снег, откидываюсь на спину, не давая лыжам зарыться, а затем, сильно толкаюсь ногами и палками и вылетаю в правом повороте. Кажется дело пошло. Прыжковая техника - это надежно, а если еще и ритмично, то даже не тяжело. С каждым прыжком, я проваливаюсь метров на пять. Еще прыжок и передо мной узкий снежный кулуар. Пространства для поворотов нет, одна дорога вниз. Вот этого я уже не люблю. Но, кто меня спрашивает? Дух захватило, как при па-

дени. Пролетел сразу метров двадцать, с трудом торможу и мягко заваливаюсь на правый бок, благо недалеко - склон у локтя. Уф! Перекур. В туче снега мимо проносится Сашка. Хорошо идет, чертяка, а вот я осрамился. Бывает. Привожу себя в вертикальность, вытряхиваю из перчатки снег. Дальше проще, поскольку положе, камней меньше, а снега, соответственно, больше. Сашка ждет меня метров на две-сти ниже. Спускаюсь.

- Ну, как! – спрашивает жадно.

- Улёт.

А что я мог сказать?

- Погоди, - говорит, - я тебе еще местечко покажу - ва-аще чума!

Так, думаю, с этим клиентом надо поаккуратней.

Чумовым местечком оказался трамплин, с которого Сашка улетел, махая палками, метров на десять. Надеюсь, читатель помнит мою «любовь» к прыжкам и простит маленький мухлеж - когда запахло прыжком, я слегка тормознул и халявно вильнул мимо трамплина. Помоему, Сашка не заметил.

Очередным чумовым местечком оказался крутяк, в который я надясь лазил за докторскими лыжами. Вот здесь мне понравилось. Почему я раньше сюда не совался?

Таким манером мы докатились до низа и, разогнавшись, неслись по прямой к нижней станции подъемника. И вдруг Сашка, повинувшись какому-то безумному вдохновению, сворачивает к трансформаторной будке, перед которой, в целях безопасности, насыпан здоровый снежный бугор. К моему ужасу он на него взлетает и прыгает через подстанцию. Ясно видно, что ему не хватает высоты. Лыжи со звоном втыкаются в бетонную стену и пропеллерами разлетаются в стороны, а Сашка, кувыркаясь, улетает через крышу и скрывается из виду.

- «3,14...», - бекнул в голове незнакомый гнусавый голосок.

Я мгновенно вспотел и вильнул за под-

станцию. Сашка сидит в сугробе и крутит головой.

- Ц-ц-ц-цел? – заикаюсь я.

- Чума! - выдыхает он в восторге, - Нет, ты видел!? Видел!?!

- В-в-в-видел, - с трудом выдавил я.

Лыжи мы нашли без передних маркеров – их начисто срезало при ударе, вырвав с мясом из лыж. Сашкин восторг мгновенно сменился неутешным горем. Полчаса он ползал по сугробу и, причитая, искал улетевшие куда-то маркеры.

В последний день нашего катания невиданно плотное облако накрыло Эльбрус и присыпало склоны мегатоннами легчайшего снега. За ночь сугробы поднялись на полметра и продолжали стремительно расти. Воздух наполнился таинственным шепотом миллиардов суетливых снежинок, а прочие звуки покорно умирали в их густой кутерьме. Несмотря на нулевую видимость все полезли кататься.

Позорным плугом я медленно плыву в топленом молоке и собираю по пути «чайников», которые плывут еще позорнее. Через некоторое время за моей спиной выстроилась небольшая цепочка робких, нереальных созданий.

Туман сгустился настолько, что я уже не осознаю, где нахожусь, и что происходит. И вдруг мне показалось, что из тумана на меня двигается что-то большое и опасное. Причем это было скорее предчувствие, поскольку через темные фильтры я видел только шестипроцентное Можайское молоко. Тем не менее, я остановился и осторожно вытянул вперед руку. Перчатка уперлась в мягкое, взгляд сфокусировался, и прямо перед лицом я обнаружил вертикальную снежную стену. Странно, думал я, ощупывая неровную поверхность, сколько раз спускался с «Мира», но такого не припомню. Где я? Мне стало странно. Оглянулся. Никого. Где мои «чайники»? Сворачиваю налево и медленно ползу вниз по склону. Куда-нибудь да приеду, но это, конечно, не катание! Это игра в жмурки на сельхозработках (это я про плуг). Очки залепило, но я не протираю. Знаю по опыту – будет хуже. Склон загибается круче и круче, и мой плуг делается все шире и шире, испытывая мою скромную растяжку. Ясно одно – я не на трассе, и надо что-то предпринять. Свернуть. Налево или направо? Направо бескрайние просторы Эльбрусского ледника, слева каменистые отроги Карабаши. Если я, вообще, еще на Эльбрусе. Наверное, лучше упереться в скалы, чем затеряться на леднике, решил я и свернул налево.

Минут через пять невнятного траверса я неожиданно наткнулся на своих (или чужих?) потерянных «чайников», которые, как слепцы у Босха, гуськом, без поводья ползли в безнадежную неизвестность. Слышались жалобные причитания. Их позы были разнообразны, живописны и, по-видимому, весьма точно отражали их богатый внутренний мир, но крайне далеко отстояли от принятых горнолыжных стандартов. Я незаметно возглавил процессию, будто ее и не покидал. Минут через десять подул легкий ветерок, развиднелось, и метрах в пятистах обнаружился долгожданный «Кругозор». Все стало на свои места.

В баре аншлаг. Влажно и туманно как в бане в моечном отделении. Народ отряхивается, стучит ботинками, ставит лыжи к стене и устремляется, оскальзываясь на мокром полу, к стойке. Все наши здесь. Заняли большой стол.

- Валька, сюда, - кричит Женя, - я тебе место держу.

Нахожу глазами Большого. Он сидит черный, лохматый, страшный, а вокруг, несмотря на тесноту, ощущается испуганная пустота. Вспоминаю, что уже несколько дней не видел Кобру.

- Где Кобра? – бросаю, проходя мимо, - Куда дел?

- Уехала с канатчиком, - выдавил он с усилием незнакомым голосом.

Академия ГОРНЫХ ЛЫЖ И СНОУБОРДА «СНЕГИРИ»

приглашает детей от 3-х лет, а также их родителей

Занятия проводят профессиональные тренеры,
Мастера Спорта

НИКИТА
П
КРЮКОВ

САЙТ
НИКИТЫ
КРЮКОВА

www.nikitakriukov.ru

Учредитель: ООО «Фристайл», генеральный директор А.В. Алешин. Главный редактор: В.В. Фоменко.
Адрес редакции: 140093, Московская обл. г. Дзержинский, ул. Угрешская, д. 19, e-mail: fomenko143@mail.ru.

Подписано в печать 21.03.2016. Формат 720x520/16. Печать офсетная. Бумага мелованная 115 г/м².
Дизайн, верстка, печать ООО «Угрешская Типография». Тел. (495) 700-06-66. Тираж 999 экз. Заказ № 27.